

Цикл Галины Гончаровой

ВАМПИРЫ

Против лома нет вампира

Не сотвори себе вампира

Клыкастые страсти

Кольцо безумия

Галина Гончарова

ДУША ДРАКОНА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г65

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Гончарова, Галина Дмитриевна

Г65 Душа дракона : роман / Галина Гончарова. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Другие миры).

ISBN 978-5-17-145579-8

Три дня на то, чтобы найти убийцу, которого не может найти полиция. Всего три дня, а потом Совет Вампиров сделает из вас винегрет. Юля это понимает, но как его искать? Когда тебе на голову свалился бесхозный дракон с проклятием, когда магия решительно не осваивается, когда не можешь разобраться со своими способностями... Как тут быть?

Да еще и на вампира, с которым связана Юля, покушаются, и только чудом удается его спасти. Хоть и очень хочется добить. Или уже не хочется? Все же Мечислав меньшее зло рядом с предложенным? Или — это любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145579-8

© Галина Гончарова, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

ЕСЛИ ПЕРВЫЙ БЛИН — КОМОМ, ТО ВТОРОЙ ЛУЧШЕ НЕ БУДЕТ

* * *

Константин Савельевич Леоверенский считал себя счастливым человеком. И не без оснований.

Если представить себе всю его жизнь в виде весов, он бы сказал, что счастье — в равновесии. А для того, чтобы кто попал не нарушал его — надо уметь защищать себя.

И он учился этому с детства. То есть — с того момента, как его деревня была уничтожена зверями и нечистью, которой Бог почему-то даровал человеческое лицо. Хотя...

В Бога маленький Костя и до того не верил, а уж после смерти всех своих родных и близких — тем более.

Когда он понял, что мать, отец, дяди и тётки, бабушки и дедушки, маленькие братья и сестренки — мертвы... не просто мертвы, а убиты, — им овладела холодная бешеная ярость. Хотелось убивать. Даже не так. Хотелось УБИВАТЬ. Медленно и мучительно. Беря за жизнь каждого из своих родных — по тысяче жизней врагов. Вредить им всем, чем только возможно.

Если бы не дьявольское везение, жизнь маленького Кости оборвалась бы несколькими днями позже — он тогда хотел устроить засаду на немецкий патруль. Но ему повезло. Ту же засаду решили устроить и партизаны. И Костя попал в отряд.

Сначала его хотели эвакуировать. Потом...

Костя навсегда запомнил своего первого командира, Петра Сергеевича. Пожилой дядька, до войны бывший участковым, а с приходом немцев ставший их постоянным проклятием, дымил «козьею ножкой» и печально глядел на парня.

— Их не вернешь. Жить надо. А ты погибнешь. Ты слишком мал, слишком горяч, слишком... слишком сильно тебя *задело*... Тех, кто идет мстить, часто убивают первыми...

Костя ощерился, как волчонок.

— Связывайте, усыпляйте — все равно удеру! Плевать, что умру, лишь бы побольше этой мрази сдохло!

Петр Сергеевич несколько минут глядел на паренька, стиснувшего кулаки. Что приковало его взгляд? Что заставило изменить, казалось бы, уже принятое решение?

Он и сам не знал. И Костя не знал. Но воевал с Петром Сергеевичем до той минуты, как отряд попал в окружение. Уйти удалось немногим. Петр Сергеевич навсегда остался там, в лесу. Он — и еще штук (язык не поворачивался даже сейчас сказать — человек) сорок фашистов. Не надо бояться гранаты, она — ручная. А для некоторых — еще и последняя надежда. Когда окружили и понимаешь, что уже не уйти...

Уйти можно всегда. И забрать с собой на тот свет как можно больше нечисти, топчущей сапогами землю твоей родины.

Ему повезло снова — он сумел уйти живым. Чтобы вернуться.

За время войны было всё. И плен в том числе. Ему навсегда запомнились немецкие солдаты, которые схватили его в деревне. И лицо сдавшего его человека. Предательство губило многих в то время. Кто-то предавал своих за деньги, кто-то по убеждениям. Косте было все равно. Предателя он навестил

позднее. С выдумкой навестил. Надел драный саван, нарисовал на лице трупные пятна и поскребся в окошко. Недолго. Послушал истерические вопли и визги. А потом поджег избу.

Можно было бы просто поджечь, без предупреждения. Но смерть в огне — страшна.

Не лучше смерти на морозе. Попав в плен, он твердо решил — умереть, но ничего не выдать. И умер бы. Молчал бы под любыми пытками. Любыми казнями. О своих — молчал. Зато о себе немцы узнали тогда много нового. И о происхождении чистой арийской расы от крыс, жаб, пиявок и змей, причем все они скрещивались весьма противоестественным образом.

И о своем фюрере — тоже. Родословную, привычки и нравы Гитлера Костя описывал так красочно, что будь это хотя бы на треть правдой — того бы даже в ад не пустили, справедливо опасаясь за нравственность чертей.

С тех пор у него нет трех зубов. Увы. Сейчас он заменил их на фарфоровые.

Ему опять повезло. Когда его решили спустить живого в прорубь. Привязать там — и оставить медленно умирать в ледяной зимней водичке.

Никто не мог предположить, что паренек перегрызет веревку. Что рискнет нырнуть под лед. Что выплывет — и выживет. Но Косте повезло...

Повезло ли?

Он плохо помнил, как дошел тогда до своих. Чувствовал себя, как кусок льда. Ему тогда казалось что лед — везде. Снаружи. Внутри. Что по его венам вместо крови текут маленькие снежинки — и застывают там. И требовались бешеные усилия, чтобы сделать хотя бы один шаг.

Его тогда напоили самогоном, растерли и завернули в одеяло. А через трое суток он открыл глаза полностью здоровым.

Повезло...

После войны он пытался наладить жизнь. В 50-м женился. Еще через десять лет дождался от жены сына — после двух выкидышей. Танюшка была замечательной, но война никого не щадила. Все знают, сколько жизней она унесла. Но никто не мерил унесенное ей здоровье. Тех мужчин, кто не смог жить искалеченным. Тех женщин, которые не смогли родить детей. Тех детей, которые никогда не стали взрослыми из-за пришедших к ним болезней. Или просто умерли, не дожив до двадцати. А врачи потом говорили: «всего себя человек отдал». И отдавали, в двадцать лет, в тридцать лет... А когда человека вскрывали — по паспорту ему было двадцать, а внутренние органы принадлежали семидесятилетнему человеку*.

Женька родился болезненным ребенком. Слабым, хрупким. Зато любил музыку. С удовольствием ходил на бальные танцы. Костя так и не понял — когда же он упустил вожжи?

Когда жизнь пошла вразнос?

А может, это просто была трижды проклятая эпоха перемен?

Уже в восьмидесятые он понимал — ничем хорошим все это не кончится. И дружба с бывшими заклятыми врагами. И игры в демократию. Поэтому готовился к самому худшему. Ему и в голову не приходило соблюдать закон. Главное тут — не попадаться. На заработанные деньги он покупал то, что всегда ценно. Что легко спрятать. Унести с собой. Продать в любой стране. Золото. Драгоценные камни. Антиквариат. Благо, Танюшка была искусствоведом.

Да, за это могли посадить. Но могли и не посадить. А рисковать Косте было не привыкать. Семью он в свои дела особенно не посвящал.

А потом Женька женился. И Костя впервые понял, что пропадает.

Что такое любовь?

* Реальный случай. (Здесь и далее прим. авт.)

К кому она приходит и как заявляет о себе?

Подчиняемся ли мы ей — или нет?

У всех свой выбор и свои дороги.

Костя проклял все на свете, когда Женька впервые привел в дом Алю.

Симпатичная девушка с зелеными (кто-то скажет — обычными, карими, но они ведь не видели россыпи зеленоватых крапинок-звездочек в ее глазах) русалочьими очами и темными растрепанными волосами за одну секунду и навсегда завладела его сердцем.

Костя думал когда-то, перед свадьбой, что любит свою Танюшку.

Теперь он понимал, что всего лишь хотел уйти от одиночества. Это ему удалось. Танюшка искренне любила его. И старалась все сделать для мужа. Была ему подругой, опорой, надежным товарищем.

Только вот не любовью.

Но Костя скорее дал бы отрезать себе руку, чем показал ей это. Он стал более внимателен к жене. Дарил ей цветы по поводу и без повода. Заезжал на работу. Устраивал маленькие праздники, вызывая зависть всех ее подруг. Танюшка цвела и была искренне счастлива.

А Костя ничего не мог с собой поделаться. Он целовал жену — и закрывал глаза. Вместо светлых волос он видел темные. Вместо голубых глаз — зеленоватые, с мерцающими крапинками вокруг зрачка. И крепче стискивал зубы.

Он никогда не станет изменять жене.

Никогда не опозорит свою семью.

Никогда не предаст своего сына.

А время — шло и летело. Родился первый внук. Славка. И Костя стал искренне любящим и заботливым дедом. В глубине души представляя, что это — его сын. И даже себе в этом не признаваясь. Тем более что мальчик вырастал похожим на Евгения, своего отца. От деда в нем было очень мало.

Через девять лет неожиданно родилась и внучка. Юлечка.

Она ничем не напоминала Славку. И все же Костя не мог разобраться, кого из внуков он любил больше.

Славка. Веселый, компанейский, открытый, в чем-то трепетный и удивительно ранимый. Эгоистичный, потому что первенца баловали все кому не лень. Требовательный и в чем-то ограниченный.

И Юля. Замкнутая и тихая. Не любящая компаний и шума. Но ранимая ли? Это было сложно понять. С точки зрения Кости — внучка рано поняла, что самое важное в жизни — это именно жизнь и здоровье близких людей. Если это — есть, остальное уже не так важно. Требовательная?

Нет. Откровенно безразличная ко многому. Не любящая красиво одеваться. Не тянущаяся к побрякушкам, которые обожала Танюшка. Но готовая разрыдаться у дверей книжного магазина, не получив интересную книгу. Костя иногда думал, что Юля уже родилась с жесточайшим информационным голодом. Это было у нее в крови. Навсегда.

Капризная? Тоже нет. Своего рода шкатулка с секретами. Которую не надо торопиться открывать.

Косте сложно было сказать, кого из внуков (неужели уже внуков? Как летит время!) он любит больше. Славка был внешне копией отца. Юля, как ни странно, походила на мать — и немного на него. Впрочем, какая разница? Какую руку любить больше? Правую? Левую?

Костя был более или менее доволен жизнью. Но НЕ МОГ не думать об Але. Не мог выкинуть ее из своих снов и мыслей. Просто — НЕ МОГ.

И сам не знал — чего тут больше. Помянутого «запретного плода»? Или это страсть? Страсть усталого, прошедшего огонь и воду немолодого мужчины? А ведь он годится Але в отцы. А по количеству пережитого так и в прадеды...

Или все-таки это — любовь? Та самая. Безумная. И безудержная?

Говорят — «первая любовь». И забывают, что есть и другая. Еще более огненная и страшная. Любовь последняя.

Но Костя мог себя контролировать. Несмотря ни на что. Мог.

Он знал, что такое долг. И честь. И порядочность.

Только вот когда началась перестройка, решил бросить все — и заняться бизнесом. Чтобы занять голову? Или это было еще одно сражение? И в нем обязательно надо было выиграть?

Костя не знал. Но готов был драться. А потом уже подумать — почему он полез в драку.

И все закрутилось.

Продать кое-что из «золотого запаса» было несложно. Поучаствовать в «большом хапке» (и вовремя спрыгнуть) с «МММ», «РДС» и прочими гадостями он тоже успел. Понимая, что бешеные прибыли достанутся только тем вкладчикам, которые успеют забрать свои деньги вовремя, он не ждал слишком долго. Да, обошлось без миллионных прибылей. Но и пирамида его под собой не погребла.

А деньги пошли в дело. Сначала он сам работал на автобусе.

Потом, чуть освоившись, обзавелся еще одним — и привлек к своему бизнесу Женьку. Но тут дело не пошло. Женька оказался на редкость не приспособлен для выживания в условиях перестройки.

Ладно.

Костя прикинул — и нашел нескольких ребят, которые успели демобилизоваться, на творящееся вокруг глядели с ужасом, как подключиться в эту реку не представляли, но возвращаться в родные деревни тоже не хотели.

Парни крепкие. Дисциплина есть. Машины водить умеют. Костя думал именно так — и не прогадал.

Через два года у него был автопарк и несколько автобусов. И он серьезно задумывался о приватизации городского автовокзала. Почему бы нет?

Но тут на него началась охота.

В городе начался очередной передел. Костя в принципе стоял от этого в стороне. Беспредельщиков он уважал только в одном виде, а именно — в гробу. Поэтому он платил за охрану одному из трех авторитетов в городе и спал спокойно.

Увы.

В город прибыл молодой и наглый вор в законе Кацо. Полностью он был Рустам Мирзоевич Кацоян. Странная смесь, но чего не бывало во времена СССР?

Кацо огляделся — и решил, что трех «китов» криминала городу мало. Четвертого надо. И начал постепенно подгрести под себя все, что плохо лежало.

«Леотранс» был первой попыткой подгрести одно из предприятий, принадлежащих другим.

Что ж. Костя довольно резко ответил его «быкам». Спустил с лестницы «группу захвата». Не сам. С помощью тех самых ребят, которые стали его командой. Не зря он постоянно, в свободное от работы время гонял их то в спортзал, то в тир, повторяя: «В России живешь. Не в СССР. А здесь может быть всякое. Что ты за мужик, если себя не защитишь?».

Шипели. Ругались. Но — шли.

Результат оценили потом. Когда таксиста могли запросто выкинуть из машины. Переломать ему кости. Отобрать выручку. Или даже просто убить — в «Леотрансе» не пострадал никто. Орудием самозащиты может быть что угодно. Даже здоровущий разводной ключ. Только примени правильно. И не бойся убить тех, кто собирается убить тебя. А именно это Костя считал причиной всех несчастий.

Нерешительность.

Слабость и мягкотелость любого порядочного человека перед уличной шпаной.

Там где надо бить первым — и бить насмерть, а потом уходить, не испытывая ничего (и уж тем более какой-то там вины!), люди начинают мяться, бояться, страдать — и в результате гибнут. Из своих сотрудников он эту мягкость вытряхивал, как пыль из ковра — хоть палкой, хоть выбивалкой, лишь бы сработало. И срабатывало.

Нанять грамотных юристов, чтобы те отгавкивались в суде, тоже было несложно. Зато пошли слухи: «Леоверенский своих не выдает». А за слухами пришла и репутация.

Которой не верил Кацюян.

Старик. Да что он может?!

Кацюяна пришлось разочаровать. Смертельно.

Константин помнил, как пришел на встречу, пряча маленький пистолет на ноге, под брюками. Для вида. И — уже всерьез — гарроту под воротником пиджака.

Почему все недооценивают удавку?

Как изобрели огнестрел, так и решили, что ничего лучше не бывает, дилетанты несчастные!

А Костя отлично знал, что самое страшное оружие — это человек. Он до сих пор занимался точными единоборствами. Очень ценил метательное оружие. Любил удавки. И — с удовольствием бы освоил пращу. Не освоил. Но может, все еще впереди?

Естественно, на входе его обыскали. Так же естественно — нашли и отняли пистолет. И скривились в презрительных ухмылках. Чего еще ждать от старика?

Костя знал — чего. Если бы он был уверен, что может положить Кацюяна и уйти безнаказанным — он бы и секунды не задумался. Останавливало его другое. Бизнес сильно зависел от него. Женька не удержал бы вожжи. А Костя не хотел садиться в тюрьму, тратить время на юристов и всякую пакость, которая непременно полезет из всех дыр.

Недаром говорят — не за то вора бьют, что украл, а за то, что попался.

Вывод — Кацюяна он бы прикопал под забором лично. Но попадаться не хотелось.

Наезд был построен вполне в кацюяновском духе. Косте продемонстрировали фотографии его близких. *«Очаровательный дэвчушк, да? И такой мыльный малчик! Будет ужасно жалк, если с ними что-нибудь случится, да?»*

Как Костя сумел не показать вида — он и сам не знал. Но вместо этого только улыбнулся тогда.

«Представь себе, мне наплевать. Они все равно не от Женьки. Только этот тьюфяк ничего не знает. А я молчу, чтобы семью не позорить».

Врал он тогда безбожно. Но Кацюян, кажется, поверил. Костя ушел на своих ногах. Живой и целый. И уверенный, что его внуков никто не тронет. Пока не тронет. О сыне он беспокоился чуть меньше — взрослый же мужик! Немного времени он себе выговорил. И стал готовить ликвидацию Кацюяна. Нет человека — нет проблемы. Хотя даже условно Кацюяна он к людям не относил. Любой, кто угрожает детям, да и вообще — его семье, приравнялся Костей к фашистам — и приговаривался автоматически.

Ему потребовалось ровно три дня. Но за эти три дня и Кацюян успел нанести свой удар.

И Костя лишился сына.

Танюшка... ее смерть тоже была на его совести.

Костя осознанно подставлял сына в надежде на его здравый смысл, на умение защитить себя, но — просчитался. Впрочем, выбора все равно не было. Займись этот подонок его внуками, было бы еще хуже.

Костя не любил вспоминать об этом.

Фактически обе смерти — и жены, и сына, были на его совести. Только Женька умер от пули неизвестного снайпера, а Таня — от тоски. Через два года после его смерти. Врачи говорили — рак. Костя

знал — ей было просто безумно плохо без сына. Так она и не смогла оправиться до конца после его потери.

Дети не должны умирать раньше родителей.

Аля тогда тоже резко сдала.

Похудела, побледнела — и целиком посвятила себя детям.

Что-то серьезное у них началось только через три года после смерти Татьяны. Опять-таки Костя ничего не планировал. Он старался не выдавать себя. И Аля действительно ничего не замечала.

Он рассуждал так. Если сейчас он покажет Але, что чувствует, она просто уйдет. И она, и дети... а он останется совсем один.

Этого ему не хотелось.

Эгоистично?

Может быть. Но так у него была хоть какая-то семья. Поэтому Костя сцепил зубы — и продолжил строительство своего бизнеса. И «Леотранс», словно в компенсацию его любви, которую надо было постоянно давить и прятать, рос, как на дрожжах.

Единственное, чего он боялся — была любовь. Он был готов к тому, что Аля однажды придет и скажет: «я хочу выйти замуж за...», а что? Молодая женщина. Красавица. Между прочим, с ней пытались знакомиться на улице — до сих пор. Поэтому он с ужасом ждал этой минуты. «Я собираюсь замуж за...» — и он сделает все, чтобы опять видеть ее, хотя бы видеть... видеть счастливой с другим!!!

Что такое ад?

Ад — это то, что внутри нас. Наши чувства. Наши мысли.

Свой ад мы строим для себя — сами.

И рай — тоже.

Тот вечер он помнил отчетливо и ясно.

Они с Алей были на даче. Вдвоем. Славку отправили в летний лагерь на месяц. Костя считал, что ребенок должен уметь общаться с себе подобными. И такие вот лагеря — отличный полигон для